Странный человек

Автор:
Борис Акунин

Странный человек

Борис Акунин

Смерть на брудершафт #5

Повесть «Странный человек» (пятая «фильма») описывает хитроумную операцию, которую германская разведка проводит в высших кругах петербургского общества.

Борис Акунин

Странный человек

Видение сонное, к худу

Сверху, будто через густое облако, видно реку. Не особенно большую, а примерно как Тобол выше Тобольска. И вроде ледоход по ней, самый конец, когда ледяные глыбы уже не горбатятся, а поистерлись, потаяли, посерели от воды. Тесно реке, распирает ее лед, продохнуть не дает.

И ух вниз, с горней высоты, ажно печенка в горло. Туман жиже, прозрачнее, и теперь можно разглядеть: не река это, а улица. Невский проспект. Дома пообонь, будто высокие берега. И льдины не льдины, а мертвяки – люди в шинелях, гнедые лошади с раздутыми брюхами. И всё это серое, неживое движется меж каменных теснин, в сторону аммиралтейской иглы, дворца

зимнего. Медленно, неотвратимо, и конца потоку не видать.

Страшно.

Хорошо, догадался молитву, хоть и во сне. Только произнес «Спаси, Господи, люди Твоя», и страшная блазна, ползущие вшами непокойники, сгинула. Проспект, однако, остался.

Теперь по нему шли живые, тьма тьменная. Радостные все, руками машут, кричат что-то, трубы у них трубят, песню слышно – как бы радостную, но в то же время и грозную. Словно крестный ход в престольный праздник. Но несут не кресты – хоругви кровавые, а вместо икон с Ликом Божьим тащут портреты, на них усатый кто-то, довольный, глаза щурит.

Первое виденье было хоть страшное, но понятное – где война, там и мертвецы. Второе сонному разуму не в охват. Кому поклоняются? Чему рады?

Но и тут пригодилось моление.

«…и благослови достояние Твое, победы на сопротивныя даруя» – пропал и черт усатый.

Всё пропало кроме Невского. Ни души на нем. Пусто, бело, морозно. Только сбоку по мостовой баба, замотанная в платок, тащит санки, еле идет. На санках куль небольшой, веревкой обвязанный. Хоть сверху не видно, однако известно: там усопший младенец. Баба пройдет немного, встанет. Потом снова идет. И никого на всем проспекте, только поземка.

Знамение это было страшней первого, но понятней второго. Быть сему месту пусту? Нельзя того допустить!

«…и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство».

Сказал священные слова – победил Пустоту. Снова проспект переполнился, задвигался. Только не людьми, а железными крышами малыми, разноцветными. И чудно: половина по правой стороне тащится, половина – по левой, встрень. По берегам-третуарам выставлены картины пестрые, на них девки намалеваны,

тощие, полуголые, зубы скалят.

Плюнул на всю эту непонять из-под облаков. Зафырчал проспект: фрр-фрр. Полетели брызги черные.

Не «фрр-фрр», а «карр! карр!» Не брызги – вороны.

То ли каркают, то ли по-иностранному кричат. И выше, выше подбираются. Уже близко они. Клювы острые, когти врастопыр.

Сейчас накинется, мелюзга бесовская, рвать зачнет. А молитвы нет – слова, как дальше, забылись. Не вспомнить.

Воронье гнездо

На второй год боевых действий почти весь Генеральный штаб (а вместе с ним отдел IIIb, к которому был приписан майор Йозеф фон Теофельс) вслед за Oberste Heeresleitung, ставкой верховного главнокомандования, переместился в Силезию, поближе к Восточному фронту. Разместились удобно, в охотничьем замке Плес, но по мере того, как война набирала силу, разбухала и главная квартира. Ко второй зиме не только во флигелях и пристройках, но в оранжереях, подсобных помещениях, даже сторожках и сараях поселились Sektionen и Abteilungen[1 - Секторы и отделы (нем.).] разной степени необходимости. При этом размещение не всегда соответствовало истинной полезности подразделения. К примеру, Abteilung IIIb, без которого великая армия оглохла бы и ослепла, ютился в бывшем птичнике. Из прежнего курятника велось управление всей гигантской агентурной сетью, пронизывавшей тылы вражеских государств. В утятнике расположился мозговой центр контрразведки. Фронтовой разведкой руководили из гусятника. Сектору военной журналистики, агитации и пропаганды достался индюшатник. Цензура и сектор военных атташе делили страусиный вольер. В кабинете начальства когда-то хранились свежие яйца. Шутки по этому поводу офицерам давно уже надоели, но прозвища («куроводы», «селезни», «индюки» и прочее) присохли намертво и в дальнейшем, когда Ставка сменила дислокацию, уже не менялись.

В этом птичьем царстве майор бывал нечасто. Только по экстренному вызову – как сейчас. Фон Теофельс был у руководства на особом счету, способного офицера приписывали то к одному сектору, то к другому, в зависимости от задания. Поручения неизменно относились к категории сверхважных, однако важность не всегда сочеталась с интересностью, а именно этот параметр являлся для Зеппа определяющим. Он любил свою работу, она составляла весь смысл его существования, а за каким чертом жить, если скучно?

Судя по тому, что под телеграммой стояла подпись подполковника Колнаи, начальника разведсектора, можно было надеяться на что-нибудь живое. И все-таки Зепп немного волновался. Всю дорогу он проделал на мотоциклете, чтоб как следует разогнать кровь. Гнал на восьмидесяти, останавливался лишь залить бензина да сжевать бутерброд. Когда показался шлагбаум, кордон первой линии оцепления, фон Теофельс не сбавил скорость, а еще наподдал газу и эффектно затормозил у самого шлагбаума.

Чем ближе к замку, тем больше на дороге становилось автомобилей. Черные, стремительные, они летели в Ставку и обратно, доставляя воинских начальников и курьеров с секретными пакетами. Будто вороны вокруг вороньего гнездовья, подумал Зепп, которого предстоящая встреча настраивала на поэтический лад. Он даже запел по-русски: «Не стая воронов слеталась на груды тлеющих костей…» Лихой ветер уносил песню вместе с дорожной пылью.

Ах, если б снова за линию фронта! Надоело ходить в мундире, жить по правилам.

Правда, минувшим летом он занимался делом невидным и неблагодарным, но очень, очень занятным: налаживал у союзников-австрийцев новую систему фронтовой разведдеятельности (собственная разработка). Идея была здравая, простая, всем выгодная. Обычный шпион, обслуживающий зону боевых действий, труслив и бездеятелен. Его можно понять – если попадется, сразу вздернут или расстреляют. Заработки чепуховые, а риску много. Из-за этого агенты добывают мало информации и многое присочиняют.

Что придумал Зепп? Пойманных русских шпионов не казнить, а перекупать. Мол, зачем человеку существовать на жалованье от одного начальства, когда можно получать сразу два вознаграждения, в рублях и в кронах? И своим агентам рекомендовалось то же самое: идти с повинной к русским и предлагать свои услуги.

Выгода здесь не только в двойной оплате. Еще важнее безопасность. Виселицы можно не бояться, от патрулей не прятаться, через линию фронта переправят в лучшем виде и так далее. Противник снабжает двойника ложными сведениями, по которым легко вычислить истинное положение дел. Люди оживают, начинают давать превосходные результаты. Потерь минимум. Красота!

Конечно, есть риск, что шпион-двоеженец сочтет главной супругой русскую разведку, но это вряд ли. Помогут два обстоятельства. Во-первых, нужно больше платить. Во-вторых (это главное), сердечнее относиться. Всякому приятно, когда его уважают. Особенно если твое ремесло у дураков считается презренным. Вот русские офицеры агенту руки не подают, разговаривают брезгливо, иной раз и сесть не предложат. А мы не то что руку – обнимем и к груди прижмем, про семью расспросим, водочки-наливочки с героем выпьем, поахаем на все его приключения. С душой надо к сотрудникам относиться, и они в лепешку разобьются, чтобы оправдать такое к себе расположение.

Поработал неплохо, австрийские коллеги остались довольны. Но именно из-за этого возникла следующая командировка, исключительного занудства. Генерал-полковник фон Гетцендорф личным письмом попросил фельдмаршала фон Гинденбурга откомандировать в распоряжение австрийской Ставки капитана фон Теофельса для организации охраны сверхсекретного объекта: 305-миллиметровой чудо-пушки «Шкода», предназначенной для стрельбы бронебойными снарядами по мощным крепостным укреплениям. Ради повышения статуса присвоили Зеппу внеочередной чин (было бы за что), дали штат сотрудников, и несколько недель новоиспеченный майор катался взад-вперед по железным дорогам. Работа по обеспечению безопасности была ерундовая, любой педант бы справился, но сколько волынки, сколько нудной суеты! Стальное чудовище можно транспортировать только в разобранном виде, на нескольких платформах. При каждой сборке-разборке тысяча формальностей. В момент выстрела, который осуществляется дистанционно, нельзя приближаться к орудию ближе, чем на триста метров, иначе смертельная контузия. В конце концов Теофельс запросился в отпуск для поправки здоровья: мигрень, тремор, частичная потеря слуха. К черту такую статусность.

Но и в отпуске скоро соскучился. Не был он создан для семейной жизни. Не та порода, не та группа крови. Вернуться под древние своды родового замка, конечно, было приятно. Жена содержала Теофельс в образцовом порядке. И сама она тоже была совершенно образцовая. Настоящая генеральская дочь, воспитанная в традициях долга и ответственности. Для разведчика, чья жизнь

принадлежит службе, а наезды домой редки и нерегулярны, никакая иная супруга не подошла бы. Просто не выдержала бы такого сосуществования. Зепп относился к жене с уважением и благодарностью, как на фронте относятся к надежному тылу, о котором можно не заботиться. Ирма платила мужу той же монетой, ведь он был герой, настоящий немецкий офицер.

Оба держались в высшей степени тактично. Своими проблемами друг друга не обременяли, а общая зона ответственности у супругов была только одна – воспитание сына. Здесь всё тоже обстояло почти идеально. Мальчик рос шустрый, смелый, любознательный. На папу глядел с трогательным обожанием. Не полюбить малютку было трудно, пришлось задействовать всю недюжинную выдержку.

Любовь – чувство, в которое Йозеф фон Теофельс не то чтоб не верил (отлично верил и не раз использовал в работе), но которое считал для настоящего разведчика недопустимым.

Не совсем так. Любить можно, даже полезно что-нибудь абстрактное: Родину, нацию, идею, принцип. Такая любовь делает человека сильней, может превратить его в стальной таран, всё сметающий на пути.

Но любовь к кому-то, к конкретному человеку делает тебя уязвимым, а значит, слабым. Оглянешься на бегу, дрогнешь в миг выбора, поддашься жалости – и всё, проиграл. В сущности, жизнь состоит из череды побед и поражений. Маленьких, средних, больших. Бывают слабаки, которые никогда и ни в чем не побеждают. Но нет таких героев, кто вовсе не ведает проигрыша. Задача – концентрировать силы на главных целях, без сожаления жертвуя третьестепенными. Тот же закон, что на войне. Собрал войска в кулак, прорвал фронт или нанес мощный фланговый удар, а прочее мелочи. Победителей не судят.

Йозеф фон Теофельс был однолюбом. Он знал лишь одну всепоглощающую страсть – любовь к победе. Не важно в чем. В деле, которым он в данный момент занимался и которому отдавал все силы своего острого ума и бронированной воли. В этом и заключался источник его силы, его смелости. Чувство страха майору было неведомо – так, что-то смутное вспоминалось из раннего детства, не более. Зачем жить, если ты разбит? Чем проиграть, лучше погибнуть.

Жена – та понимала. В душу не лезла, довольствовалась тем, что Зепп ей давал. Но сын был еще маленький. Усвоить зепповскую диалектику любви он был пока не в состоянии. Смешной рыжик таращился на бравого папашу круглыми глазенками, которые так и сияли любовью.

Словами объяснять было рано. Только поступками. Как вчера, при расставании.

24 часа назад

Ровно сутки назад, когда Зепп, получив интересную телеграмму, моментально собрался в дорогу, жена с сыном вышли его проводить к воротам. Ирма вела себя безукоризненно. За полчаса собрала саквояж и провизию в дорогу, обняла, сдержанно поцеловала сухими губами. Даже улыбнулась. Зеппу показалось, что без печали, но это его нисколько не задело.

Зато сынишка держался из рук вон. Шестой год уже, а разнюнился. Всхлипывал, лепетал «папа, папа, не уезжай». Ужасно хотелось его прижать к себе, потереться носом о теплую макушку, но Зепп стиснул зубы. Слабость – как гниль. Ее надо вырезать, выжигать в зародыше, пока не расползлась.

Применительно к сыну у него тоже была цель: вырастить его настоящим фон Теофельсом. Удастся – будет победа. Не удастся – поражение.

Майор наклонился к сыну и больно щелкнул его железным пальцем по носу. Из симпатичной веснушчатой кнопки полилась кровь.

Что отцу понравилось – малыш не заревел, а только уставился снизу вверх непонимающими, широко раскрытыми глазами. Есть характер, есть!

Жена сделала движение, словно хотела притянуть сына к себе. В ее взгляде промелькнул не то страх, не то гнев. Но сдержалась, не подвела.

Всё это, разумеется, Зеппу было неприятно. Хорошо бы парень запомнил этот маленький урок на всю жизнь.

Вряд ли, конечно, одного щелчка будет достаточно. Щелчок – чепуха. В свое время сам Зепп получил от родителя урок куда более памятный.

Сколько же прошло лет?

24 года назад

– …Главное же – вы отдадите мне сына! И навсегда – слышите, навсегда – оставите его в покое! Я не допущу, чтобы мой мальчик стал, таким как вы! Как все мужчины вашего проклятого рода!

Мать закашлялась. Она была сильно простужена, врачи подозревали пневмонию.

Десятилетний Зепп прятался за дверью. Когда в коридоре раздались тяжелые шаги, мальчик выскользнул через гардеробную. Он знал, что отцу не понравится нарушение режима. Ночью ребенок должен находиться в постели и спать. Выскользнуть Зепп выскользнул, но не ушел. Ему хотелось посмотреть, что произойдет. Днем мать о чем-то долго спорила с отцом, из спальни доносился ее сорванный голос и хриплый кашель. И сейчас, ночью, целуя сына, она успела сказать, что скоро они заживут по-другому.

И вот он прижался к щели, подслушивал, как Эвелина фон Теофельс выдвигает своему супругу ультиматум. Он даст ей развод и полную свободу, мальчик будет жить с ней.

Зепп вырос с матерью, отца видел редко. Если бы больше вообще никогда не увидел, не заплакал бы. Зепп был всецело на стороне Эвелины и боялся только одного – что она не выдержит спокойного, ледяного голоса, которым говорил с ней оберст-лейтенант фон Теофельс.

– Вы меня не интересуете, – с непоколебимым терпением повторил отец. – Можете уезжать куда вам угодно. Супруга, не сознающая своего долга, мне не нужна. Я дам вам развод. Можете забрать себе дочь, ее вы все равно безвозвратно испортили. Но превратить Йозефа в размазню я не позволю. Он Теофельс. Я отправлю его в кадетский корпус. Вы никогда его больше не

увидите. И не упрашивайте. Вы меня знаете, я своих решений не меняю.

Мальчик задрожал в темной комнатке, где пахло духами, мехом и чуть-чуть нафталином. Но страх прошел, когда мать хрипло засмеялась.

– Я не собираюсь вас упрашивать, я не настолько глупа. Я буду угрожать. У железного герра подполковника есть одно слабое место. Вы боитесь скандала, боитесь лишиться службы. О, я все продумала! Недаром я прожила с вами двенадцать лет! Знайте же, я наняла частных детективов. Они выследили вас в Ливорно! Тайно сфотографировали, как вы сидите на балконе с этой авантюристкой. Взяли показания служителей отеля, выкупили чек с вашей подписью.

– Глупости. Это одна из моих осведомительниц. Если я сплю с ней, то ради интересов службы. Когда мы с вами вступали в брак, я предупреждал…

– Мало ли что вы предупреждали! – Мать снова зашлась кашлем, но он звучал не жалобно, а триумфально. – Неужто вы подумали, что я ревную? У меня есть неопровержимые доказательства супружеской измены! Я напишу об этом императрице, она меня помнит и любит! Вас выгонят из армии! Не думаете же вы, что начальство станет вас покрывать? Выбирайте: или вы отдаете мне сына, или…

Договорить ей не позволил новый приступ.

– Однако вы совсем расхворались, – вздохнул отец. – Мы поговорим, когда вам станет лучше.

– Я… уже… всё вам… сказала.

– По крайней мере выпейте микстуру. Мне только что доставили ее из Штутгарта.

И, к облегчению маленького Зеппа, ужасная сцена закончилась.

Ночью мать умерла. Доктор сказал, что в легком от натуги лопнул кровеносный сосуд. В следующий раз мальчик увидел ее в гробу, среди белых лилий.

Зепп кусал губы, давился слезами. По малости лет он еще не знал, что любовь к отдельным личностям деструктивна.

После долгой, тягостной церемонии отец отвел его в кабинет.

– Я мог бы тебе этого не говорить, – сказал подполковник, глядя на своего отпрыска стальными глазами. – Но скажу. Иначе получится, что Эвелина умерла зря. Ты ведь подслушивал наш разговор? Не отпирайся, я знаю. В микстуре был яд.

– Что?!

– Я чувствовал, что за мной в Ливорно следили. Выяснил, кто. Догадался, зачем. И принял меры. Я сделал это не из страха. Я сделал это не ради карьеры. Я сделал это ради тебя. Завтра ты отправишься в кадетский корпус и к концу учебного года станешь лучшим в классе. Ведь ты – фон Теофельс. Всё, можешь идти.

Несколько лет Зепп ненавидел отца, даже собирался отомстить. Потом созрел, поумнел, оценил. Теперь вот вспоминал покойника с благодарностью.

Новое задание

Чтоб добраться до бывшего птичника, майору фон Теофельсу пришлось миновать четыре поста и расстаться со своим «некарзульмером». На территорию главной квартиры допускались только моторы и экипажи, приписанные к Ставке. Сняв очки-консервы, кожанку, кепи, перчатки с раструбами, Зепп умыл серое от пыли лицо у водопроводной колонки, расчесал волосы, снял с сапог широкие краги. Теперь, когда до встречи с начальником сектора оставалось всего ничего, разведчик вдруг перестал спешить. При сугубой рациональности он давал себе небольшое послабление по части суеверных предосторожностей. Одна из главных гласила: не кидайся на добычу впопыхах – спугнешь. А настроение у майора сейчас было, как у лиса, подкравшегося к курятнику. Что за добыча его ждет? Если какая-нибудь сладкая, пройдусь по штабному коридору на руках, пообещал он Судьбе, надеясь ее подкупить. Можно биться об заклад,

что ни в одном германском штабе никто еще на руках не ходил.

Ну, пора!

Первое предзнаменование было чрезвычайно обнадеживающим. Подполковник Колнаи разговаривать с вновьприбывшим офицером не стал, а выписал ему пропуск в управление генерал-квартирмейстера, к Самому Высокому Начальству. Это могло означать, что задание будет особенной, стратегической важности.

С другой стороны, не всякая стратегия интересна человеку с азартной душой. Вдруг опять что-нибудь «статусное» или, не дай Боже, дипломатическое?

Самым Высоким Начальством для Зеппа был старый, опытный генерал, которого в Курятнике все за глаза называли Schnurrbart,[2 - Ус (нем.).] хотя начальник носил весьма звучную трехступенчатую фамилию и даже имел титул. Карьера сего памятника германской разведки восходила к мифическим доимперским временам.

В приемной адъютант велел обождать, а «чтобы герр майор не скучал», дал ему сводку за минувшие сутки. Скука тут, разумеется, была ни при чем. Раз посетителю перед вызовом в кабинет дают сводку, значит, так надо.

Зепп внимательно просмотрел сообщения с фронтов, пытаясь угадать, какое из них связано с предстоящим заданием.

Западный театр военных действий. Северо-восточнее Экюри. После ожесточенного боя у французов отбита траншея протяженностью 300 метров.

Восточный театр. Группа армий фельдмаршала фон Гинденбурга. Близ Сморгони отбита атака противника крупными силами. Группа армий генерала фон Лизингена. Немецкие и австро-венгерские войска отбили все попытки русских прорваться на западный берег реки Стырь.

Балканский театр. Наступление совместно с болгарскими союзниками продолжается. Захвачено 12 орудий.

Прочитал, осмыслил, а тут и в кабинет позвали.

Второе лучезарное предзнаменование: Шнурбарт был не один, а со своим заместителем генералом Моноклем (тоже прозвище, потому что без стеклышка в правом глазу этого господина никто никогда не видел). Монокль был на двадцать лет моложе шефа, то есть принадлежал к новому, постбисмарковскому поколению стратегов. На этого сухого, едкого офицера возлагались большие надежды. Поразительней всего, что старик и его помощник отлично уживались друг с другом. Если не душа в душу, то мозг в мозг.

Начальник сидел за столом, заместитель стоял у окна, сцепив руки за спиной.

Майор вытянулся, отрапортовал о прибытии. У генерала Уса была слабость: любил, чтоб подчиненные выглядели орлами, хотя на кой это разведчику, непонятно.

Кивнул. На свирепом лице качнулись мясистые брыли. Пальцем показал на стул: садитесь. Это означало, что беседа будет долгой.

Зепп целомудренно, как юная институтка, сел на краешек стула и воззрился на Монокля. В подобных случаях всегда говорил заместитель, а начальник только сверлил вызванного тяжелым взглядом. Ус почитал себя мастером психологического наблюдения (надо сказать, не без оснований).

– Прочли? – спросил Монокль. Он тоже не отличался излишней болтливостью. – Ну и как?

Это про сводку, сразу понял фон Теофельс. Что тут спрашивать? И так ясно.

– Противник ведет активные наступательные действия по всему Восточному фронту. Прошлогодние неудачи не лишили русскую армию боеспособности.

Оба генерала одобрительно наклонили головы – вывод был правильный и предельно лаконичный.

– Это означает, что цель кампании 1915 года не достигнута, – все-таки счел необходимым присовокупить Монокль. – Захвачена огромная территория, царь Николай потерял два с половиной миллиона солдат, но Россия не рухнула. Нам

по-прежнему предстоит воевать на два фронта. Одержав множество тактических побед, в стратегическом смысле мы потерпели поражение. Не буду анализировать просчеты командования, это не нашего с вами ума дело. Тем более что на участке, за который отвечаем мы, тоже не все благополучно.

– О да, – сказал Ус и насупил кустистые седые брови. – О да…

Будут снимать стружку, подумал Зепп. Интересно, за что.

– Вы помните, как легко нам было работать в канун войны и в самом ее начале. Теперь дела, увы, обстоят иначе. – Монокль вынул из-за спины руки, изящно развел ими. Руки были в белых перчатках, что майора несколько удивило. Впрочем, заместитель слыл щеголем. – Русская разведка и контрразведка стала чертовски опасным противником. К сожалению, мы их недооценивали. Провал операции по прорыву русского Северного фронта произошел из-за того, что мы предоставили командованию ложные сведения, подсунутые нам русскими. Оказалось, что нашего ключевого агента в их генеральном штабе перевербовал Жуковский!

– Шуковски, – повторил Ус, брезгливо шевельнув своими чудесными усами. – Да-да, Шуковски.

Монокль продолжил:

– Все мы отлично знаем, что эффективность работы разведки зависит от личных достоинств руководителя. – Почтительный взгляд в сторону начальника. Ус слегка пожал плечами: мол, что правда, то правда. – Генерал Жуковский – очень активный, изобретательный оппонент. Он нам надоел. Нужно его нейтрализовать. Именно в этом и будет заключаться ваше задание.

«Прощай, малютка Шкода, – подумал майор. – Пусть твои прелести стережет кто-нибудь другой». И еще, конечно, подумал: «Сказка, а не задание. Решено – пройдусь на руках!» Но, памятуя о пронизывающем взгляде физиогномиста Шнурбарта, лицу придал выражение ответственное и озабоченное.

Заместитель приподнял свободную от монокля бровь, что означало: «Вопросы?»

– С вашего позволения, экселенц. Я не совсем понял. Вы хотите, чтобы я физически устранил генерала Жуковского? – Зепп подпустил в интонацию чуть-чуть скептицизма.

– А что, не справитесь? – ехидно скривил угол рта Монокль.

Короткой улыбкой майор дал понять, что оценил шутку, после чего продолжил:

– Неэффективно. Это сделает из Жуковского героя. Оно бы пускай, не жалко. Но административные последствия легко предсказуемы. Вместо Жуковского назначат кого-то из его ближайших помощников. У руководства останется та же команда, а значит, и стиль работы останется прежним. Насколько я понимаю, это не соответствует нашим интересам.

Начальники переглянулись, причем более молодой усмехнулся, а старик потрогал кончик уса.

– Ну и как бы поступили вы, майор?

– Если мы хотим заменить всю верхушку разведки и контрразведки, лучше прибегнуть не к убийству, а к дискредитации. Тогда мы избавились бы не только от Жуковского и его окружения, но и скомпрометировали бы всю стратегическую линию, которую проводит эта команда. Однако операция такого рода гораздо сложней, чем физическое устранение. Понадобится много времени на подготовку.

Теперь улыбались оба генерала, без ехидства и без насмешливости.

– Что я вам говорил, экселенц? – заметил Монокль.

– Да, – ответил Ус. – И я сразу сказал: Теофельс. Начальники были явно довольны.

Позволил себе слегка улыбнуться и Зепп.

– Мы с его превосходительством пришли точно к такому же выводу. – Монокль сдул с перчатки невидимую соринку. – И времени на подготовку понадобится

совсем немного. Ибо план уже разработан. Вам предстоит провести его в жизнь, только и всего.

Движением бровей майор показал, что он весь внимание.

– Представьте себе, что в руки недоброжелателей Жуковского (а таких в их Генштабе и Ставке хватает) попадает расписка примерно следующего содержания: «Я, Владимир Жуковский, получил от британского представителя такого-то 50 или там 100 тысяч за такие-то и такие-то, неважно какие услуги». Всем известно, что Жуковский англофил и сторонник тесного сотрудничества с британской разведкой. Враги генерала давно говорят, что он делится с «Интеллнджeнс сервис» секретами. А тут появится такая вот расписочка. Кому нужен начальник разведки, получающий гонорары от иностранцев, хоть бы даже и союзников?

– Осмелюсь возразить, экселенц. Царь не поверит. И вообще мало кто поверит. У Жуковского белоснежная репутация.

– Ну разумеется, генерал будет негодовать и говорить, что его оклеветали, что расписка фальшивая, что почерк и подпись подделаны. В доказательство своей невиновности он потребует провести дактилоскопическую экспертизу. Сейчас все помешаны на отпечатках пальцев, русские не исключение. Уверен, что Жуковский сам – непременно сам – будет настаивать на этом, чтобы полностью снять с себя подозрение. Дактилоскопию сделают. И что же?

Шнурбарт шлепнул ладонью по столу:

– Ха! Отпечатки обнаружатся!

– Вот именно. – Монокль приятно улыбнулся. – На расписке окажутся отпечатки пальцев господина генерала. Скандал, естественно, замнут, чтобы не выносить сора из избы и не портить отношений с англичанами, но от герра Жуковского мы навсегда избавимся, в этом можно не сомневаться.

– Прошу извинить, экселенц… Вы хотите сказать, что Жуковский действительно берет плату от англичан и выдает расписки?

– Нет, расписка будет поддельная. У нас в Петербурге есть великолепный специалист. Никакая графологическая экспертиза не распознает фальшивки.

– Виноват, но я все равно не понимаю… Можно подделать рукописный документ, но не отпечатки пальцев.

Монокль всплеснул руками:

– Про это сейчас объясню, но вы сказали про документ, и я вспомнил. Я должен вручить вам знаменательный документ, с высочайшей подписью.

– В самом деле, – проворчал старик. – Нехорошо. Совсем забыли.

Зеппу показалось, что в глазах Уса сверкнула искорка.

– Мой дорогой Теофельс, вы удостоены письменной благодарности его величества за отличную службу. Вы разрешите, экселенц? – Заместитель взял со стола бювар, почтительно вынул оттуда листок, украшенный гербом и печатями. – Встаньте, майор!

Офицер вскочил, вытянулся, придал лицу подобающее торжественному случаю выражение.

– Мы все тут не любители церемоний, так что читайте сами. – Монокль протянул грамоту. На желтоватом пергаментном фоне белизна перчатки смотрелась просто-таки ослепительно.

Двумя руками, склонив голову, принял Зепп знак августейшей признательности. Заранее подпустил в глаза растроганного тумана. Майор был не то чтоб совсем равнодушен к почестям, но главной наградой за хорошо выполненное задание для него были не железки или бумажки, а чувство победы.

– Тысяча извинений, ваше превосходительство, но вы перепутали, – сказал он, дочитав до второй строки. – Это письмо адресовано не мне, а какому-то обер-лейтенанту фон Клюге.

Он вернул бумагу.

– В самом деле? – Монокль двумя пальцами взял грамоту. – Непростительная рассеянность.

Генерал Ус хрипло рассмеялся. А его заместитель повел себя очень странно. Он взял со стола бритву, осторожно поддел что-то на самом уголке бумаги, а потом – о кощунство! – разделил высочайшее письмо на два слоя, причем верхний, осененный подписью кайзера, скомкал и небрежно швырнул в мусорную корзинку. В руках у Монокля остался очень тонкий, совершенно чистый листок.

– Вот ваши отпечатки пальцев, на обратной стороне, – показал он. – Специалист-графолог напишет здесь любой текст вашим почерком, и любая экспертиза подтвердит, что это ваших рук дело. Ясно?

Шеф посмеивался в усы.

– Двухслойная бумага. Разработка нашей технической лаборатории. Пустячок, а сколько пользы, – сказал он горделиво, будто сам был автором хитрого изобретения. – Продолжайте, генерал.

– Благодарю, экселенц. Итак, ваша задача, майор, подсунуть наш чудо-листок в руки Жуковскому. Лично. Пусть он подержит бумагу и вернет вам обратно. Только и всего. Но вручать ее нельзя официально, в кабинете. Она попадет в папку «входящие», и больше вы ее не увидите. Нужна непринужденная, неформальная обстановка. Скажите, Теофельс, вам нравятся аристократические женщины?

– Мне нравятся все женщины, полезные для дела, – осторожно ответил Зепп, пытаясь угадать, куда клонит Монокль.

– Вот и отлично. Тогда объясняю детали операции с кодовым названием «Ее светлость».

– Кто? – переспросил фон Теофельс.

– Светлейшая княгиня Верейская. Петербургская гранд-дама, имевшая несчастье находиться на одном из рюгенских курортов в момент начала войны. Бедняжку интернировали. В отличие от других дам, она не получила разрешения покинуть

рейх через Швейцарию или Швецию. Мечтает убежать. Это истинная патриотка. То и дело пытается подкупить рыбаков, чтоб ее переправили за море.

– Почему же ее не выпускают, экселенц? Эта женщина нам чем-то интересна?

– Сама по себе нет. Пустейшее, вздорное создание. Но она кузина жены генерала Жуковского. Поэтому мы ее в свое время и задержали. На всякий случай. Вот случай и подвернулся. Излагаю исходные условия задачи…

Видение зерцальное, всегдашнее

В доме одном было. У хороших людей. Они, милые, знают – зеркало в прихожей тряпкой бархатной завесили. А она, тряпка-то, возьми и соскользни, аккурат когда мимо проходил. Ну и увидел маету зерцальную, всегдашнюю. Отшатнуться бы, да поздно. Глаз не оторвешь.

Сначала себя было видно, коротко. Потом будто дымом белым заволокло, заклубило. И, конечно, лед белый. Море, озеро или, может, река.

Треск, хруст, трещины во все стороны. В одном месте лопнуло и расползлось. Пролубь там черная, страшная. Зияет. Раскрылась пролубь, начала тянуть, присасывать. Сквозь дым, сквозь мороку, вниз, вниз, вниз. Грудь, брюхо стиснуло, не вздохнешь.

Раздвинулись края, будто пасть великана белоусого, белобородого. И ухнула душа живая, теплая, мягкая в черное, мертвое, холодное.

Закричал, конечно.

Ее светлость

Лидия Сергеевна Верейская второй год томилась в тевтонском плену.

Тысячу, миллион раз прокляла она день, когда вместо обычной Ниццы вздумала опробовать новомодный немецкий Бинц. Знакомые, отдыхавшие здесь летом тринадцатого года, расхваливали до небес опрятность здешних купален, чудесный воздух, мягкий климат, феерическую свежесть молочных продуктов и прелестное радушие местного населения, в отличие от французов, не избалованного нуворишами.

Ох и хлебнула же княгиня этого «прелестного радушия» за пятнадцать месяцев!

Страдания ее были невыносимы. Сразу же после объявления войны Лидию Сергеевну переселили из коттэджа, который она снимала на эспланаде Вильгельмштрассе, в какой-то жалкий пансион, причем уплаченных денег, nat?rlich, не вернули. Пришлось ютиться с горничной Зиной в трех комнатках, без ванной, без гардеробной, так что из-за сундуков и коробок с платьями и шляпами было буквально не повернуться. Парикмахера забрали в армию, маникюрша отказалась приходить к русской из патриотических соображений, поэтому Зинаиде пришлось осваивать занятия, к которым у нее не наблюдалось ни склонности, ни таланта. Всякий раз, когда немецкие войска испытывали трудности на фронте или кто-то в городке получал похоронное извещение из действующей армии, Верейская боялась выйти на улицу. Запросто можно было услышать что-нибудь оскорбительное. Тяжелее всего пришлось в мае, когда все германские газеты писали о немецких погромах в России. Якобы москвичи целых три дня охотились на людей с нерусскими именами, громили магазины и частные дома, многих покалечили и даже убили. Княгиня не знала, верить этому или нет. У нее иногда возникало ощущение, что когда она наконец вырвется на родину, то не узнает своей милой России.

Отчизна, кажется, сильно переменилась. Как привыкнуть к тому, что Санкт-Петербург теперь называется Петроградом? Что на Рождество больше нет елок, которые объявлены германской блажью? Что многие знакомые, совершенно русские, православные люди, которым от далеких предков досталась приставка «фон», теперь вынуждены менять фамилии? С Родины писали (письма шли через Красный Крест, два-три месяца), что фон Траубы стали Руслановыми, а фон Берлинги, по матери, Фетюшкиными. С ума посходили! Покойный супруг Лидии Сергеевны, между прочим, тоже был наполовину эстляндец, его матушка nee[3 - Урожденная (фр.).] Бенкендорф, так что с того? Всё российское дворянство, если начнешь разбираться, переродилось с немецкой, польской, кавказской аристократией. Сколько русской крови в его императорском величестве Николае Александровиче? Кажется, одна шестьдесят четвертая, все остальное – от

Гольштейн-Готторпов, Гессен-Дармштадтов да прочих Глюксбургов.

Не в крови и не в фамилиях дело! Истинно русскому человеку нестерпим мелочный, расчетливый и мстительный немецкий дух. Душа княгини рвалась на родной простор, где малиново звенят колокола, где славные бородачи гонят по морозу свои расписные тройки, где на Пасху христосуются и дарят друг другу яйца от Шрамма или Фаберже.

Упорством и смелостью природа ее светлость не обделила. Денег, слава Богу, тоже хватало. Из Швейцарии каждый месяц приходил перевод, управляющий как-то это устроил. Трижды Лидия Сергеевна пыталась бежать из неволи.

Ну, первый раз не в счет. Она была неопытна. Просто села на цюрихский поезд, понадеявшись на свой немецкий язык и на то, что в купе первого класса пограничные чиновники заходить не станут.

Второй раз попробовала уплыть на датском корабле, сняли ее уже в море. Так и непонятно, откуда узнали и кто донес.

В третий раз заплатила одному рыбаку, чтобы отвез на своем баркасе в Швецию. Обманул, подлая немецкая скотина. Деньги взял, а к назначенному месту не явился. Теперь встречает на улице – зубы скалит. Знает, что в суд на него не подашь.

На четвертый раз княгиня учла все ошибки. Теперь всё должно было получиться.

Роковая ночь

Братья Редлихи предложили русской свои услуги сами. Они тоже были рыбаки. Оказывается, подлый обманщик (тот самый, третья попытка) спьяну похвастался им, как ловко и легко заработал свои серебреники. Редлихи потолковали между собой, все обсудили, взвесили. В море за салакой ходить стало опасно: сорвавшиеся мины плавают, англичане шныряют, свои сторожевики иной раз палят без предупреждения. А тут дело, конечно, рискованное, но выгодное. За ночь можно заработать, как за полгода. А возвращаться обратно незачем. Можно

до конца войны отсидеться в Швеции, потому что младшему из братьев только 40 лет и его запросто могут мобилизовать.

Всё это они объяснили Seine Durchlaucht[4 - Ее светлости (нем.).] так же обстоятельно, по пунктам, загибая корявые пальцы. Верейской их откровенность понравилась. Кроме того, Лидия Сергеевна читала в какой-то ученой статье, что фамилии закрепляются за семьями неслучайно. Родоначальник графов Толстых наверняка был пузат, предок бывшего министра Дурново нехорош собой, а Вася Татищев, так некрасиво поступивший с Нелли Ланской во время коронации 96-го года, происходит от какого-то Татищи, то есть большущего татя, разбойника. В этом смысле фамилия рыбаков вызывала доверие.[5 - Redlich – «честный» (нем.).] Княгиня их так про себя и называла: «честные рыбаки».

Но, будучи умудрена горьким опытом, на сей раз приняла меры. Во-первых, дала вперед только задаток, десять процентов оговоренной суммы. Во-вторых, гордясь собственной предусмотрительностью, взяла расписку, где черным по белому, хоть и с орфографическими ошибками, было написано, за какие именно услуги произведена оплата. Если Редлихи обманут, расписку можно будет отдать в полицию. Что взять с пленной дамы? Ну, ограничат свободу передвижения, как после попытки номер один. А вот рыбакам выйдет верная тюрьма.

Переговоры и выплата аванса состоялись в понедельник. После этого оставалось только ждать темной, в меру ненастной ночи. На Балтике, да еще в ноябре месяце, это не редкость. Наоборот, редкость – ночь не-темная и не-ненастная.

Во вторник днем они с Зиной уложили вещи. Взяли только самое необходимое: теплое, тэрмос, шкатулку с драгоценностями. Туалеты, вывезенные на курорт, Лидия Сергеевна перебрала и без сожаления оставила. Кому зимой пятнадцатого года нужны платья и накидки прошлолетнего сезона?

Едва стемнело, сели у окна, снаряженные по-походному. Княгиня в альпийских башмаках на шнуровке, в мериносовом нижнем белье, собольей накидке, голова по-походному повязана кашемировым платком. Зина оделась в вещи госпожи (не бросать же), и так себе понравилась в наплечном шотландском плэде, что даже перестала трястись от страха.

Редлихи должны были подать сигнал с мыса: трижды три раза посветить фонарем. Это будет означать, что ветер не слишком слаб и не слишком силен, а патруль уже завершил обход берега.

В половине двенадцатого, когда у Верейской были истерзаны все нервы, долгожданное мелькание наконец случилось. Роковая ночь настала.

Лидия Сергеевна (она была женщина решительная) сразу же перестала нервничать. Ожидание всегда давалось ей тяжелее, чем действие. Зато Зинаида вдруг обмякла, осела на стул и жалким голосом сказала:

– Лидочка Сергеевна, может, не надо? Ну как потопнем? Ужас какой, по морю плыть, с чужими мужчинами.

– Можешь оставаться, если ты такая трусиха, – сказала княгиня, зная, что верная Зина хозяйку не бросит (да и что глупышке делать одной в этом Бинце).

Взяла Лидия Сергеевна шкатулку, корзинку с провизией, перекрестилась и вышла на темную улицу, гордая и непреклонная, словно крейсер «Варяг».

Горничная, конечно, догнала ее еще до первого поворота. Отняла корзинку, всхлипнула. Верейская обняла верную подругу по несчастью, поцеловала в щеку.

– Вперед, Зинаида! Помнишь, я тебе читала из Некрасова про русских женщин? «В игре ее конный не словит, в беде не сробеет – спасет. Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Мы с тобой русские женщины, это про нас!

Прошли по пустой аллее мимо закрытых на военное время купален общества «Остзее-бад», мимо бывшего Курзала. Городок остался позади. На пустынном берегу завывал ветер, за дюнами шумели волны.

До места, где честные рыбаки назначили рандеву, было версты две. Шли так быстро, что княгине, несмотря на пять градусов по Реомюру, стало жарко, и накидку пришлось пока отдать Зинаиде.

Окончательно Верейская успокоилась, что обмана не будет, когда увидела у причала большую лодку с мачтой и рядом две массивные фигуры в клеенчатых (или, может быть, брезентовых) дождевиках и живописных головных уборах, какие обычно носят рыбаки – вроде панамы, но прикрывающие шею и спину.

– Мы здесь, мы здесь! – закричала княгиня по-немецки, помахав рукой.

У самого моря песок был рыхлый, мокрый, весь в клочьях белой пены. Идти по нему в тяжелых альпийских бутсах оказалось непросто.

– Помогите же, – сердито сказала ее светлость, а когда невежи не тронулись с места, вполголоса прибавила по-русски: – Хамы.

– Где остальные деньги? – спросил старший из братьев, даже не поздоровавшись.

– В Швеции получите. Как договаривались.

Оба помотали головами.

– Так не пойдет. Мы должны половину оставить женам. Вон под тем камнем. Иначе на что им тут жить?

Попробовала было Верейская спорить, даже призвала на помощь Зину, но от той никакого прока. Уставилась, дуреха, на ощеренное белыми гребешками море и только бормотала: «Матушка-Богородица, страсть какая…»

– Ну хорошо, хорошо. – Лидия Сергеевна поняла, что теряет время. И потом, это же естественно, что люди заботятся о своих семьях. Даже трогательно. – Сейчас дам. Половину.

Она отвернулась, открыла шкатулку, где кроме украшений лежали марки. Половина минус десять процентов аванса это сколько будет? Нужно умножить тысячу двести марок на ноль целых четыре десятых…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Секторы и отделы (нем.).

2

Ус (нем.).

3

Урожденная (фр.).

4

Ее светлости (нем.).

5

Redlich – «честный» (нем.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/boris-akunin/strannyy-chelovek

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить